

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

Исторические
новеллы
любви

Блистательные изгнанницы

Елена Арсеньева

**Танец на зеркале
(Тамара Карсавина)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Танец на зеркале (Тамара Карсавина) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Блистательные изгнанницы)

ISBN 5-699-09962-X

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-09962-X

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Танец на зеркале	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Танец на зеркале

Тамара Карсавина

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние привычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанниками. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанниками. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родословные восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благородные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособливались к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Танец на зеркале Тамара Карсавина

Вконце лета 1918 года через мрачный лес по корявой дороге, ведущей к берегу Белого моря, продвигался небольшой обоз из пяти телег, заваленных кофрами и чемоданами. Всякому случайному наблюдателю при виде людей, сидевших на одной из телег, могло бы показаться, что ему снится безумный сон, настолько чудно они выглядели здесь, среди густых лесов и бесчисленных озер с глубокими, темными водами.

Седоков было трое. Высокий мужчина с холодноватым, замкнутым лицом был облачен в какое-то несусветное пальто с пелериной, клетчатое кепи, башмаки с гетрами и перчатки. Наблюдатель счел бы, что сей господин более уместно выглядел бы где-нибудь на лондонской мостовой... ежели бы, конечно, сей наблюдатель имел понятие о существовании таковой. Мужчина иногда соскакивал с телеги, чтобы размять ноги, и брел рядом, тихо беседуя на непонятном языке с женщиной, которая держала на руках маленького мальчика.

Женщина, одетая в черное, была красоты изумительной: черноглазая, тонкобровая, с изящными чертами, нежная, словно диковинный цветок. И даже крайняя усталость и страх, которыми было отмечено ее лицо, не умаляли этой красоты, а словно бы прибавляли ей трогательности и очарования. Все в ее изысканной, хоть и, видимо, простой одежде, от маленькой шляпки с вуалеткой до башмачков на пуговицах, показалось бы гораздо уместнее где-нибудь на парижской улице... кабы наш наблюдатель имел хоть самое малое представление о существовании этой самой улицы и города Парижа вообще!

Возницы, которые понукали лошадей, ничем бы внимание наблюдателя не привлекли, ибо это были самые обыкновенные крестьяне с равнодушными, полусонными лицами, которые лишь изредка хмурились, когда маленький мальчик начинал слишком уж громко плакать.

Ему было страшно. Его матери – тоже. Вот уже целую неделю они держат этот нескончаемый путь. Никаких городов, деревни встречаются редко, леса кругом мрачные, зловещие. На закате воздух наполняли густые рои комаров; кое-где их темные, зудящие, дрожащие облака цеплялись за ветви деревьев или клубились над землей. Возницы покрывали головы сетчатыми тряпками – накомарниками. Женщина опускала вуаль, а ее мужу и сыну приходилось прятать лица под шелковыми платками, которые она достала из одного из многочисленных чемоданов.

Сначала вещей было еще больше: раза в два. И то, уезжая из Петербурга, женщина была убеждена, что взяла только самое необходимое. Ах, сколько дорогих сердцу вещей пришлось бросить! Больше всего ей сейчас было жаль не множества оставленных туалетов (кстати, и в самом деле парижских), а двух старинных портретов. На одном была изображена дама в жестком зеленом шелковом платье, с цветами из драгоценных камней, в высокой прическе, с розой в руке. Другой изображал ребенка с комнатной собачонкой. Эти портреты достались ей от бабушки и когда-то висели в старом родительском доме за Нарвскими воротами... Она и так, и этак пыталась втиснуть их в чемоданы, а потом поняла, что это бессмысленно: полотна были слишком велики. Забрать другие картины, которые висели на стенах, тоже нечего было помышлять. Впрочем, они-то особой ценности не представляли и были дороги ей только потому, что напоминали о человеке, которого она когда-то любила. Собственно, любила и сейчас, несмотря на то что была замужем за другим и имела от него ребенка.

Впрочем, муж знал об этой любви, однако не ревновал, потому что тот, любимый, был совершенно недостижим для этой женщины, сердце его было занято другим... Вот именно так, *другим* и даже *другими*, а не другой! Такой уж он был странный, особенный, ни на кого не похожий человек, этот самый Сергей Петрович Дягилев, которого любила Тамара Карсавина... именно так звали прелестную женщину, которая сидела на телеге, едущей сквозь мрачный лес.

Одно время Дягилев был необычайно увлечен русскими историческими портретами и даже задумал устроить выставку этих портретов в Таврическом дворце в Петербурге. Энергия у него была невероятная, и в поисках экспонатов для выставки он объехал всю страну и некоторые шедевры буквально откопал. Часто ему приходилось пробираться на чердаки, в чуланы, в помещения для прислуги, ключом ему служили его неотразимое обаяние и железная хватка. По его примеру и сама Тамара как-то заглянула в чулан в доме своего отца и... обнаружила три старинных портрета, которые служили крышками для ведер с водой. Отца, Платона Карсавина, бывшего танцовщика Мариинского театра, извиняло только то, что это были написанные весьма любительски портреты других танцовщиков, его соперников на сцене. Тамара тогда втихомолку усмехнулась, подумав, что, окажись у нее изображения двух-трех балерин, она ими не то что ведра накрыла бы, а нашла бы для них и еще менее пристойное употребление, и забрала портреты отцовых коллег в личный музей. Теперь они остались в Петрограде, в брошенной квартире, с другими вещами.

В последнюю минуту перед отъездом Тамара не смогла найти ключа от бюро, в ящике которого хранилась вся ее переписка, и эти дорогие сердцу воспоминания тоже пришлось бросить. Вообразив сейчас, что какие-то грубые, чужие люди приходят в ее квартиру, взламывают бюро и читают письма тех, кто любил ее, кого любила она, Тамара почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Ужасно стало жаль себя, захотелось заплакать, однако Никита еще сильнее испугался бы тогда, да и мужа жалко было расстраивать.

Она ни слезы не уронила за время этого пугающего путешествия по Неве, Ладожскому и Онежскому озерам. От Петрозаводска они намеревались добраться поездом до Мурманска. Однако, отправившись узнать расписание, муж Тамары вскоре вернулся с самым удрученным видом: здесь всюду красные, пути к бегству отрезаны. Единственный выход – доплыть до городка под названием Повенец, а оттуда добираться сушей до залива Белого моря, там найти небольшое суденышко – и переправиться на другой берег, который захвачен англичанами и где можно спастись.

Так и поступили. На пристани в Повенце Тамара избавилась от немалого количества своего багажа... Да-да, его было еще больше! Она вспомнила свои вещи и вещи Никиты, которые раздавала столпившимся вокруг деревенским бабам, и снова едва сдержала слезы. Впрочем, женщины были так счастливы... Ладно, бог с ними, с вещами, наживут еще, если доберутся до Лондона!..

Лес впереди поредел, и забрезжили очертания довольно большой деревни, стоящей на берегу озера. Здесь предстояло провести ночь, потом переправиться на другой берег на пароме. Ну что ж, деревня выглядела вполне процветающей. Можно надеяться, что здесь нет никаких комиссаров или отрядов красногвардейцев. Можно надеяться, что жители благожелательно относятся к англичанам, ведь муж Тамары был дипломат, сотрудник английского посольства в Петербурге Говард Брюс. Именно поэтому для него и его семьи встреча с английскими войсками означала спасение... ну а для здешних крестьян они были интервентами, конечно. Впрочем, в тех деревнях, которые попадались по пути, жители были настроены по отношению к иностранцам вполне благодушно:

– Говорят, англичанин хороший парень. Пусть приходит.

Брюс подтверждал своей персоной их мнение об англичанах как о «хороших парнях». Дай бог, чтобы все сошло благополучно и здесь!

Не сошло... Тамара сразу поняла, что надо ждать каких-то бед, едва лишь увидела нескольких пьяных мужиков. Ее нянюшка Дуняша, которая провела рядом с Тамарой всю жизнь до смерти (царство ей небесное, бедняжке!), говорила о таких: лыка не вяжут. На пьяные толпы Тамара достаточно нагляделась в «красном революционном Питере», чтобы усвоить: пьяный «гегемон» в десятки раз опаснее трезвого.

Хозяйка дома, где путешественники остановились на ночлег, сказала, что накануне в деревенскую лавку привезли водку. А еще хуже, что здесь есть Совет крестьянских депутатов. И председатель этого Совета – суший разбойник-душегуб...

Наутро, после тревожно проведенной ночи, Тамара увидела этого самого разбойника. С виду мужик как мужик, вот только пьян с утра пораньше. Он ввалился в чужой дом без спросу и даже не сняв шапки и вызывающим тоном спросил, отчего это господа намерены ждать тихоходного парома, а не хотят ускорить путь, переправившись на лодках.

– Наши мужики вас перевезут. Ну, не задаром...

Озеро было беспокойно: погода стояла ветреная, и Тамара отказалась наотрез.

– Боитесь, что сыночек ножки промочит? – хмыкнул мужик. – Да велика ли беда, если ваше отродье даже и потонет?

Тамаре почудилось, что она ослышалась. Да он и впрямь душегуб!

– Вон отсюда! – закричала она пронзительно. – Пойди проспись! Бога ты не боишься! Вон!

Точно так же крестьянки орали на своих пьяных мужей. Наверное, именно поэтому мужик послушался Тамару... однако лишь для того, чтобы, выйдя во двор, прицепиться к стоящему тут Брюсу. Причем около «разбойника» закружилось еще несколько пьяниц. Они с издевкой рассматривали документы Брюса, и до Тамары долетали их выкрики:

– Фальшивые паспорта! Поддельные бумаги! А ну, связать их да запереть в сарае, пока Чека не придет!

При упоминании Чека у Тамары подкосились ноги. Паспорта и впрямь были сомнительными бумажками, но не пропадать же здесь! Кажется, дипломатические таланты ее сдержанного супруга тут не помогут. Надо не обороняться, а наступать! С этими пьяницами следует разговаривать на их языке!

Она выскочила на крыльцо... Муж потом скажет, что она была похожа на тигрицу. Тамара потрясала старым пропуском в Москву, подписанным самим Чичериным. Пропуск в Москву был так же уместен в местных лесах, как накомарник на Елисейских Полях, однако имя Чичерина произвело впечатление. Тамара мысленно поблагодарила комиссаров за то, что политическая обработка здесь стоит на высоте.

Мужики явно струхнули и заколебались.

– Отпустите бедную барыню с ребеночком, чего пристали! – сердито выкрикнула хозяйка, у которой ночевали путешественники. Ее поддержали и другие крестьянки, которые собрались на шум.

– Ладно, – нехотя протянул душегуб. – Везите их на ту сторону, к комиссару.

– На пароме! – выкрикнула Тамара. – В лодку я не сяду!

На счастье, до прибытия парома оставалось не так много времени.

Кое-как погрузили багаж, потом сели Брюс, Тамара, Никита. Их сопровождал конвой из нескольких более или менее трезвых мужиков. «Разбойник» остался на берегу и вполне добродушно махал вслед. Он еще больше опьянел, с трудом удерживался на ногах и уже слабо соображал, что происходит.

Тамара отвернулась, с тоской уставилась на свинцовое небо. И волны озера тоже были свинцовыми...

Во время пути конвойные еще больше протрезвели и отчего-то озлились. Прямо с пристани они повлекли путников к комиссару.

Вечерело, на улице сгущалась тьма. Душная комнатка, куда их привели, освещалась маленькой керосиновой лампой, поэтому Тамара не видела лица этого комиссара – только темные очертания фигуры, мрачные, пугающие...

Он долго вчитывался в документы. Малограмотен, что ли? Однако манера говорить выдавала в нем образованного человека.

– Я выпишу вам пропуск на двенадцать часов, начиная с полуночи.

– Как на двенадцать? – испугалась Тамара. – Нам еще шестьдесят верст до Белого моря!

Он посмотрел так пристально, что она, чудилось, различила, что у него серые глаза. Или показалось?

– У вас двенадцать часов, чтобы добраться до Сумского Посада! – настойчиво сказал комиссар. – Советую поспешить, или пожалеете!

Ну да, понятно. Потом их схватят, поставят к стенке... Двенадцать часов! Почему не тринадцать, не двадцать, не сутки? Почему он дал им так мало времени? В Петрограде были карточки на хлеб, а это – карточка на время!

Ладно, спорить бессмысленно, нужно было срочно искать возчиков.

Выехали чуть свет. Ночью прошел дождь, лошади неуверенно ступали по скользкой дороге. Внезапно выглянувшее солнце дробилось в многочисленных лужах, они сияли, отражая голубое небо. Ехали словно по осколкам зеркала.

Тамара нервно стискивала руки у груди, незряче вглядываясь в эти «осколки». Двенадцать часов, всего двенадцать часов! Казалось бы, столько пришлось ей уже испытать, столько страхов пережить, но никогда она не чувствовала себя так неуверенно, как сейчас, в этом пути по скользкой дороге, на которой разъезжались ноги лошадей... Вот точно так же разъезжались ее ноги на том пыльном зеркале, на котором она однажды танцевала в кабаре «Бродячая собака»! Танцевала, пытаясь удержаться на одном пальчике в арабеске, и безумно боялась, что поскользнется и упадет, что при очередном прыжке зеркало разобьется у нее под ногами. Нет, не потому боялась, что ушиблась бы или изрезала ступни в кровь. Но какой был бы для нее, ведущей балерины Мариинки, позор!

Она так боялась разбить зеркало, что даже не думала о том, что танцует босиком, что на ней нет почти никакой одежды... так себе, какая-то чисто символическая тряпочка, которая больше открывала, чем прятала. Тамара танцевала партию Психеи из балета «Амур и Психея». Психея – это душа, а ведь душа и должна быть обнажена!

Впрочем, сколько себя помнила Тамара, душу свою она как раз таила, прятала. Даже в семье ее считали очень скрытным ребенком. «Странные нынче дети пошли!» – качала головой мама. Впрочем, особенной откровенности и не требовалось, главное было – дисциплина во всем, даже в еде. Отец был танцовщиком, а это значило, что он никогда ничего не ел утром, только выпивал три или четыре стакана чаю. Потом целый день у него не было времени поесть, да и возможности не было – «уроки у палки», то есть упражнения у станка, репетиции, потом спектакли... Глядя на него, Тамара на всю жизнь усвоила отношение к еде как к чему-то сугубо второ – или даже третьестепенному. Впрочем, она была маленькая, тоненькая, ей и в самом деле достаточно было поклевать, как птичке. И вообще, чем легче балерина, тем лучше танцует. А то, что Тамара станет балериной, для матери само собой разумелось.

– Прекрасная карьера для женщины! – говорила она. – Мне кажется, у девочки есть склонность к сцене. Она обожает переодеваться и постоянно вертится перед зеркалом. Даже если она и не станет великой танцовщицей, все же жалованье, которое получают артистки кордебалета, намного больше, чем любая образованная девушка может заработать где-либо в другом месте. Это поможет ей обрести независимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.